

Золотой хлеб

Жила-была старуха-вдова с дочкой. Хоть собой девушка была красавица писаная, зато горда, на богатство да на почести завистлива и безжалостна -- точно бедности никогда ей и близко видеть не приходилось. Жили они с матерью в плохих достатках, а женихи у девушки из-за ее красоты не переводились. Только по нраву ей ни один не пришелся: этот собой нехорош, этот небогат, тот неумен, а тот и всем бы взял -- да из мужицкого рода. Точно сама не крестьянка была.

Лежит раз ночью старуха, не спится ей. Смотрит: дочка чего-то так весело во сне улыбается. Наутро мать и спрашивает ее: "Что это ты, дочка, нынче во сне улыбалась? Видно, сон веселый видела?" А та ей: "Хороший, матушка, сон мне приснился: будто приехал к нам в медной карете чужестранный боярин, подарил мне серьги с самоцветными камнями и взял за себя замуж. А как в церкви мы с ним венчались, народ только и смотрел, что на образа да на меня". "Ох, много в тебе гордости, дочка!" -- говорит старуха.

В самый тот день приехал свататься к девушке добрый молодец, богатого мельника сын, и говорит ей: "Хочешь, красавица, со мной жить, мой крестьянский хлеб есть?" А она ему: "Не за всякого боярина пойду, не то что за тебя, сиволапого!"

На другую ночь приснился девушке сон: будто приехал к ним чужеземный князь в серебряной карете, подарил ей драгоценное ожерелье да платье из серебряной парчи и взял за себя замуж. А в церкви народ будто больше на нее оборачивался, чем на образа смотрел.

И вправду, посватался за нее в тот же день молодой боярин. "Полюбилась мне, -- говорит он старухе, -- твоя дочка. Хочу, чтобы была моей женой". А девушка ему: "Меня князь с охотою замуж бы взял, да и то я еще подумаю".

На третье утро рассказала девушка матери, что снился ей сон: будто приехал к ним в золотой карете чужеземный королевич, подарил ей весь убор из золота с жемчугами да золотое платье и взял ее замуж. А в церкви будто народ все время только на нее и смотрел. "Ох, дитятко, -- говорит старуха, -- сколько в тебе гордости! Да и жемчуг во сне видеть -- не к добру, к слезам". Только успела это старуха вымолвить, подъезжают к их избушке три кареты: одна золотая -- шестериком, другая серебряная -- четвериком, а третья медная -- парюю вороных коней запряжена. Из карет вышел чужеземный молодой королевич с двумя своими боярами и вошел в избушку. "Здравствуй, девица! -- говорит королевич. -- И до меня дошла весть о твоей красоте. Хочешь выйти за меня замуж, со мною в моем королевстве жить, мой королевский золотой хлеб

есть?" И подал девице весь убор из дорогих камней и платье золотой парчи. Хотела было мать спросить жениха: из какого государства он королевич и почему он свой хлеб золотым называет, -- дочка ей и слова вымолвить не дала. "Согласна, -- говорит, -- за тебя замуж выйти и твой хлеб есть, какой он ни наесть!" Села с королевичем в золотую карету, -- даже у матери благословенья не попросила, не простилась со старухой, -- и поехали.

Подхватили карету вороные кони, помчали -- только пыль столбом. Ничего кругом не видно, тьма крошечная... И чудится девице: будто карета куда-то все вниз да вниз спускается, а кругом будто огоньки малые мелькают. "Куда это мы, суженый?" -- спрашивает она жениха. А тот смеется: "Не бойся, -- говорит, -- сейчас приедем". Остановилась карета на широкой поляне, вышла девица и видит: стоит перед ней дворец -- весь из чистого золота, с серебряной крышей, в окошках, вместо стекол, камни самоцветные вставлены -- как жар горят, все вокруг освещают... А кругом будто костры пылают, котлы кипят, стон, крик слышится.

Вошла девица с женихом в золотые палаты. Посреди большой залы стол накрыт, на нем золотые блюда с крышками наставлены. "Садись, красавица, -- говорит жених, -- г моего хлеба-соли отведай". Сели за стол. Блюда сами открываются, одно за одним к ним пододвигаются. Смотрит девица: на одном блюде все золото, на другом серебро кусками, на третьем камни самоцветные насыпаны. А жених ее -- уж не красавец королевич: у него рога выросли, весь он шерстью оброс, ноги конские, на руках когти железные, и ест он золото, как хлеб, самоцветными камнями закусывает, на девицу поглядывает да усмехается... Поняла она тут, что к самому нечистому она в ад попала и взмолилась. "Выпусти меня, -- говорит, -- на белый свет, не хочу я золота, дай кусок простого черного хлеба, не то я с голоду умру". А тот ей: "Другого у нас хлеба здесь нет, сама ты захотела со мной жить, мой золотой хлеб есть. С голоду тебе умереть нельзя: у нас здесь не умирают; будешь ты со мною жить и вечно о простом людском хлебе мучиться. А выпускать тебя на вольный белый свет я буду в год два раза на два часа: перед великими людскими праздниками, чтобы ты не забыла, как люди живут, многого не желают, разговенью радуются".

И живет с той поры девица у нечистого -- только на золото да на самоцветные камни смотрит да муки грешников слышит. Выпускает он ее на вольный белый свет лишь в ночь под Рождество да под Светлый Праздник, и ходит она по земле каждый раз два часа, у православных под окнами стучится, куска черного хлеба Христовым именем просит. А прочее время у нее нет ничего, кроме золота, -- чего ей пуще всего на свете хотелось, и нет к ней жалости, которой у нее самой на земле ни к кому не было.

